

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

Фото: krugosvet.ru

(продолжение, начало в №№ 100-104)

Лично я считаю, что завершение 70-летней гражданской войны в России, развязанной Лениным и унесшей десятки миллионов жизней наших соотечественников, — главная заслуга команды Горбачева перед историей, основной итог перестройки. Холодная война тоже была завершена, ее знаковым символом стал вывод советских войск из Афганистана.

В августе 1991 года путчисты во главе с руководством КПСС, КГБ и армии попытались возобновить эту войну, но были разгромлены.

Когда нынешние аналитики пишут о перестройке, неважно, поддерживая ее или критикуя, они обходят стороной суть явления, а именно — то, что новый политический курс означал исторический поворот от революции к эволюции, то есть переход к социал-реформизму. Страна практически встала на путь социал-демократического развития. На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно политика реформизма.

Когда я говорю о российской специфике социал-демократизма, то имею в виду конкретную логику демократических перемен в условиях сохранения тоталитарной основы государства, его стержня — партии.

Опора любого тоталитаризма — в его догмах, охраняемых силой. Именно так было у нас. Но взметнувшаяся гласность заговорила о других возможных вариантах общественного развития. Однако политическая зашоренность была столь непроницаемой, что накопившиеся вопросы бытия, диктуемые самой жизнью, пред-

принимательство, фермерство, частная собственность, многопартийность и многое другое — в то время были еще опасным ревизионизмом, ересью. Контекст времени был совершенно иным.

Но сколько же сегодня замелькало храбрецов, у которых, оказывается, были свои планы «борьбы и свершений», но вот что-то мешало им бесстрашно ринуться в бой, преодолев в одночасье летаргический сон и озноб страха.

Впрочем, от курьезов и капризов индивидуального и общественного сознания никуда не денешься, равно как от политических и нравственных спекуляций. По инерции мы продолжаем измерять все новое критериями прошлого, а прошлое — критериями нынешних дней, стараясь выглядеть как можно современнее: «Я думал иначе, я бы и сделал не так». Ох уж эта вредная смелость тех, кто смотрит на драку со стороны, из-за угла и всегда готов прислониться к победителю и в очередной раз облизать его.

Как было тогда, поначалу?

В принципе, доперестроечное общество могло бы жить и дальше на базе организованной преступности в размерах государства. И существовать так годы, десятилетия и дольше, прикрываясь привычными мифами. Эволюция в подобном направлении у нас зашла очень далеко. Демонтаж сталинизма — лишь самый наружный слой прогнившей луковицы, даль-

ше ленинизм — сплошная гниль.

Нас, реформаторов 1985 года, никто не гнал с вершины власти. По Красной площади носили наши портреты, демонстранты пели песни и рукоплескали. Можно было по-андроповски взять лопату и почистить конюшню, несколько ослабить политические репрессии, встать на путь управляемой демократии, «просвещенной диктатуры» и т. д. Хватило бы еще инерции лет на 15-20.

Перестройка избрала «мягкий вариант». Стержнем перестроечно-реформаторских начинаний было стремление облагородить социализм, придать ему человеческий облик. Рычагом перемен оставалась КПСС. Если взять Политбюро того состава, с благословения которого и пошла перестройка, то, при всех различиях в возрасте, характере, образовании, опыте жизни, личных наклонностях, темпераменте и прочем, все, хотя и в неодинаковой степени, понимали необходимость реформ, но в рамках существующей системы.

При этом, как и в прошлом, не принимался в расчет тот факт, что Ленину и

Годы перестройки подтвердили, что далеко не всем нужны демократия, рынок, частная собственность, военная и аграрная реформы, реформа судебной системы и реальное самоуправление.

Они чужды старому партийному и государственному аппарату, власть и само положение которых обеспечивались как раз за счет отсутствия этих обязательных составляющих демократического общества.

Они чужды тем высшим командным структурам армии, КГБ, правоохранения, что сами составляли не только часть этого аппарата, но его сердцевину, и одновременно были сторожевой вышкой всеобщей казармы.

Они чужды всему люмпенизированному, что есть в нашем обществе, во всех его слоях без исключения: от люмпен-пролетариев до люмпен-начальников.

Они и сегодня чужды тем внешне вроде бы новым, а по сути, более чем старым силам, которые смысл обновления усматривают лишь в собственном утверждении в креслах, должностях, полномочиях, в привилегиях и возможностях, ранее принадлежавших другим.

Сталину удалось создать на обломках крепостничества и незавершенной промышленной революции уникальную систему лжи и насилия, уникальную потому, что она органически отторгала любые посягательства на свои устои, причем даже в тех случаях, когда сами «вожди» делали попытки несколько поправить ход вещей. Никита Хрущев поднял руку на Иосифа Джугашвили и его репрессивную политику, однако система быстро пришла в себя и ответила новым насилием — преследованием инакомыслия, агрессиями

в Восточной Европе, расстрелом новочеркасских рабочих. Алексей Косыгин пытался внедрить в экономику элементы динамики, но система отторгла это новшество и, исчерпав прежние силовые возможности развития, ответила застоєм. Михаил Горбачев встал на путь практических реформ, однако система до сих пор огрызается, цепляясь за любую возможность возродиться. Мы видим, какое бешеное сопротивление оказывают большевики курсу Бориса Ельцина.

В 1985 году Политбюро, еще не отказавшись от революционной риторики, но признав реформы неизбежными, оказалось не в состоянии понять, что тоталитарный способ правления может переварить лишь частичные реформы, он согласится с побелкой грязных стен, но не допустит их слома.

Нас, реформаторов 1985 года, часто обвиняют в нерешительности, половинчатости и прочем, совершенно игнорируя то обстоятельство, что в руководстве страны были люди разных, порой противоположных взглядов, представляющих многоцветие идеологических вариантов. Разве это не существенный факт, что во главе заговора 1991 года оказались вице-президент, премьер-министр, министры обороны и внутренних дел, председатель КГБ, председатель Верховного Совета?

Нас в Политбюро многое разъединяло, но многое и объединяло. Каждый день реформ преподносил сюрпризы, они требовали конкретных решений и рациональной реакции, но тут всегда вступала в силу разрушительная одномерная идеология. Разумные намерения и меры она губила, иррациональные — одобряла, будучи сама иррациональной.

Пройдя непростой жизненный путь, испытав на нем всякое — и награды, и унижения, — руководители страны многое видели, немало узнали и постепенно начинали понимать, что жизнь упрямее догм. Они сумели подняться до больших высот в партии, государстве, науке, других сферах. И в прежней системе добились успеха, а потому искренне верили, что и система в целом может одолеть кризис, надо только ее почистить, подмазать, убрать ржавчину.

На политическое сознание многих из нас, если не всех, серьезное воздействие оказали первые реформаторские начинания Хрущева, Косыгина, «пражской весны». Но одних настораживало, других смущало то, что ни одно из этих серьезных начинаний не прошло испытания жизнью, ни одно не выявило в практической форме социалистического реформизма.

(продолжение следует...)